

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 4

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ЦАРСТВОВАНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ВСПЬЛЧИВОГО

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 4

«Автор»

2026

Ирвинг В.

История Нью-Йорка. Книга 4 / В. Ирвинг — «Автор», 2026

Четвёртая книга «Истории Нью-Йорка» — самая шумная и суетливая в серии. На смену сомневающемуся Воутеру Ван Твиллеру приходит Вильгельм Кифт, прозванный Вспыльчивым, — маленький, сухой, с огненными глазами и вечно раздражённым видом. Его правление — сплошной переполох: война с янки, захватившими форт Гуд-Хоп, устричный крестовый поход против чеканщиков раковин, конфликты со шведами на Делавэре, распря с патроном Ренсселером из-за острова Беерн, а также бунт собственных подданных, возмущённых запретом на длинные трубки. Губернатор воюет прокламациями, обороняется ветряными мельницами и озадачивает всех таинственным дипломатическим жестом. Но все его изобретательные планы неизменно дают осечку. Ирвинг с неизменным юмором рисует трагикомический портрет властителя, который пытается объять необъятное, а в итоге сгорает дотла, оставляя после себя лишь дым и разорванные бумаги.

© Ирвинг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вашингтон Ирвинг История Нью-Йорка. Книга 4

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга четвёртая

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Вашингтон Ирвинг

Перевод с адаптацией для современного читателя

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
Дорогой читатель!

Четвёртая книга «Истории Нью-Йорка» — самая беспокойная из всех. Если предыдущий губернатор, Воутер Сомневающийся, только курил трубку и размышлял, то его преемник, Вильгельм Кифт, прозванный Вспыльчивым, — маленький, сухой, с горящими глазами и вечно недовольным лицом, — принимается за дело с одной целью: навести порядок. И тотчас ввязывается в войну на всех фронтах сразу.

С янки, что захватывают форты и сажают лук под самым носом у голландцев. Со шведами, высаживающимися на Делавэре. С патроном Ренсселером, что строит крепость на острове Беерн. И даже с собственными подданными, которые в ответ на запрет курить длинные трубки поднимают бунт.

Воюет Кифт по-своему — прокламациями: он изобрёл новый вид оружия, бумажный указ с большой печатью, действующий примерно как холостой выстрел. При этом губернатор не унывает: строит ветряные мельницы на бастионах, недурно управляется с дубинкой (как показали события в Ойстер-Бей) и удивляет всех своей дипломатией — особенно когда его посол возвращается с одним выразительным жестом: пальцем у носа.

За внешним фарсом у Ирвинга, как всегда, скрывается точная и добрая насмешка — над суетливостью, самонадеянностью и верой в то, что любую проблему можно решить бумажкой.

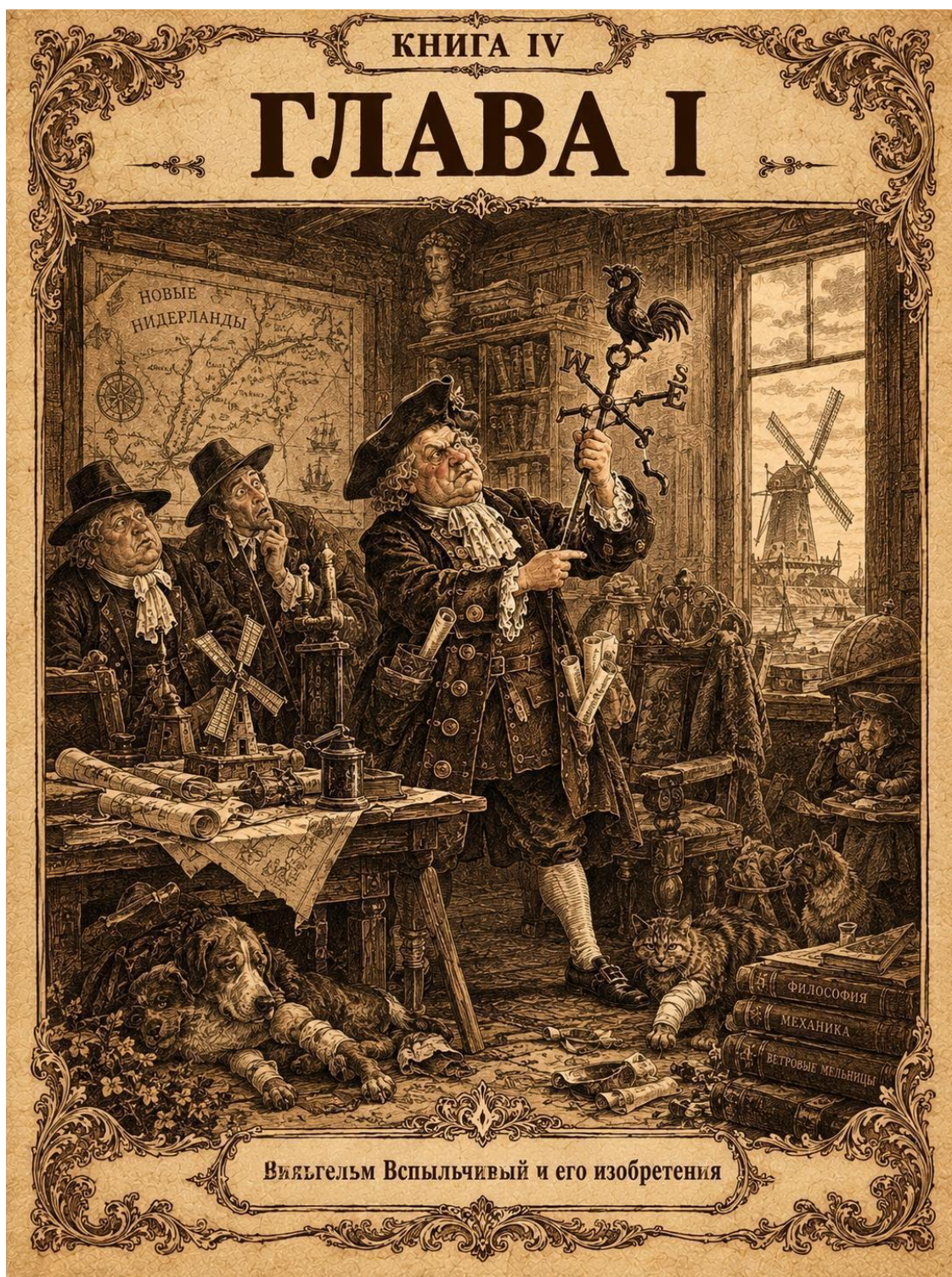
Вас ждут устричные крестовые походы, триумфы с вялеными тресками, партии «длинных» и «коротких» трубок и, наконец, таинственное исчезновение Вспыльчивого — под занавес самой запутанной из здешних комедий.

Н. Г.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Содержащая хронику царствования Вильгельма Вспыльчивого

ГЛАВА I

Когда возвышенный Фукидид готовится приступить к описанию чумы, опустошившей Афины, один из его новейших комментаторов заверяет читателя, что теперь история делается чрезвычайно торжественной, серьёзной и трогательной, — и намекает, с тем довольным причмокиванием, с каким добрая хозяйка достаёт из буфета лакомый кусочек, дабы угостить любимца, что эта чума придаст его повествованию весьма приятное разнообразие.

Подобным же образом взыграло и моё сердце, когда я подошёл к горестной дилемме форта Гуд-Хоп, кою тотчас распознал как предвестие целого ряда великих событий и зани-

мательных бедствий. Таковы истинные предметы для пера историка. Ибо что есть история, по сути, как не своего рода тюремная хроника — реестр преступлений и бедствий, что человек причинил своим ближним? Это огромный поклёп на человеческую природу, к которому мы усердно добавляем страницу за страницей, том за томом, точно возводим памятник во славу, а не в бесчестье нашего рода. Если перелистать страницы этих летописей, что человек написал о самом себе, то кто те персоны, удостоенные звания великих и превозносимые на восхищение потомства? Тираны, разбойники, завоеватели, прославленные лишь величиной своих злодеяний и чудовищностью причинённых человечеству обид и бедствий, — воители, нанявшиеся в ремесло крови не из побуждений добродетельного патриотизма и не ради защиты обиженных и незащищенных, но лишь ради хвастливой славы искусно и удачно истреблять себе подобных! Что за великие события составляют блистательную эпоху? Падение империй, опустошение счастливых стран, великолепные города, дымящиеся в своих развалинах, горделивые творения искусства, поверженные во прах, вопли и стенания целых народов, восходящие к небесам!

Так можно сказать, что историки процветают на бедствиях человечества, точно хищные птицы, что кружат над полем битвы, дабы насытиться могучими мертвецами. Один великий прожектор внутреннего судоходства заметил, что реки, озёра и океаны сотворены единственно для того, чтобы питать каналы. Подобным же образом я склонен полагать, что заговоры, козни, войны, победы и резня предустановлены Провидением единственно как пища для историка.

Немалое удовольствие доставляет философам, изучающим чудесную экономию природы, проследить взаимную зависимость вещей — как они созданы взаимно друг для друга, и как самое зловерное и, казалось бы, ненужное животное имеет свою пользу. Так те рои мух, что столь часто проклинают как бесполезных паразитов, созданы на пропитание паукам; пауки же, в свой черёд, явно созданы для истребления мух. Так и те герои, что были столь тяжким бичом мира, были щедро дарованы в качестве тем поэту и историку, тогда как поэт и историк были предназначены запечатлевать деяния героев!

Все эти и многие подобные размышления естественно пришли мне на ум, когда я взялся за перо, дабы начать царствование Вильгельма Кифта; ибо теперь поток нашей истории, доселе катившийся спокойным течением, готовится навеки покинуть свои мирные пределы и с рёвом устремиться сквозь немало бурных и суровых сцен.

Подобно тому как некий лоснящийся вол, погружённый в сытный покой клеверного поля, дремлющий и жующий свою жвачку, стерпит немало ударов, прежде чем поднимется на ноги, так и провинция Новых Нидерландов, разжирев под сонным правлением Сомневающегося, нуждалась в тумаках и пинках, дабы пробудиться к действию. Читателю теперь предстоит стать свидетелем того, как мирная община движется к состоянию войны, — движение, обыкновенно схожее с приближением лошади к барабанному бою: много гарцевания и мало продвижения, а нередко и вовсе задом наперёд.

Вильгельмус Кифт, взошедший в тысяча шестьсот тридцать четвёртом году на губернаторское кресло, — если позаимствовать излюбленное, хоть и неуклюжее выражение современных фразеологов, — был знатного происхождения: отец его состоял смотрителем ветряных мельниц в древнем городе Саардаме; а наш герой, как нам сообщают, ещё мальчиком проводил весьма любознательные изыскания в природе и устройстве этих машин, что и стало одной из причин, почему он впоследствии сделался столь изобретательным правителем. Имя его, по мнению наиболее достоверных этимологов, было искажением слова «Кайвер», то есть спорщик или бранчливый человек, и вполне выражало отличительную черту его семейства, что на протяжении почти двух столетий держало ветреный город Саардам в горячей воде и производило больше сварливых зануд и вспыльчивых крикунов, нежели любые десять семейств в округе; и столь верно унаследовал он эту семейную особенность, что не пробыл на посту правителя провинции и года, как его единодушно прозвали Вильгельмом Вспыльчивым. Наружность его вполне соответствовала имени. Был он бойким, жилистым, осиным маленьким ста-

рым джентльменом, из тех, каких порой можно встретить и поныне, ковыляющим по нашему городу в широкополом кафтане с исполинскими пуговицами, в треуголке, сдвинутой на затылок, и с тростью высотой ему по подбородок. Лицо его было широко, но черты остры; щёки его, опалённые до тёмно-красного оттенка, обрамляли два огненных маленьких серых глаза, нос его был вздёрнут, а уголки рта опущены книзу, весьма схоже с мордой раздражённого мопса.

Мне доводилось слышать замечание одного глубокого знатока человеческой физиологии, что если женщина полнеет с течением лет, срок её жизни делается несколько шатким, но если она, напротив, усыхает с возрастом, то живёт вечно. Таковым, судя по всему, суждено было стать и Вильгельму Вспыльчивому, что делался тем крепче, чем более иссыхал. И вправду, иссох он не от бремени лет, но от тропического жара своей души, что горела в его груди, точно неистовая лучина, побуждая его к беспрестанным ссорам и перебранкам. Древние предания немало говорят о его учёности и о тех доблестных набегах, что он совершал на мёртвые языки, в коих пленил целое воинство греческих существительных и латинских глаголов и вывез богатую добычу древних изречений и афоризмов, кои имел обыкновение выставлять напоказ в своих публичных речах, точно триумфующий полководец древности — свои *spolia opima*. В метафизике он смыслил довольно, дабы привести в замешательство всех слушателей, да и самого себя впридачу. В логике он знал наперечёт всё семейство силлогизмов и дилемм и так гордился своим искусством, что никогда не позволял даже самоочевидному факту пройти без спора. Впрочем, было замечено, что он редко вступал в спор без того, чтобы не впасть в затруднение, а затем и в ярость на противника за то, что тот не желал убеждаться даром.

Более того, он изрядно поупражнялся на границах нескольких наук, питал слабость к экспериментальной философии и гордился изобретениями всякого рода. Его резиденция, устроенная им на небольшой ферме, или загородном поместье, невдалеке от города, как раз там, где ныне зовётся Датч-стрит, вскоре преисполнилась доказательствами его изобретательности: патентованные дымовые вертела, для работы коих требовалась лошадь; голландские печи, жарившие мясо без огня; телеги, ехавшие впереди лошадей; флюгера, поворачивавшиеся против ветра, — и прочие несуразные измышления, повергавшие в изумление и замешательство всех очевидцев. Дом его, кроме того, кишел парализованными кошками и собаками, предметами его экспериментальной философии; и вой да визг этих несчастных жертв науки, покуда те содействовали приумножению знания, вскоре снискали месту имя «Собачье Горе», под коим оно известно и по сей день.

В знании, как и в плавании, тот, кто барахтается и плещется на поверхности, производит больше шума и привлекает больше внимания, нежели ловец жемчуга, что тихо ныряет за сокровищами на дно. Обширные познания нового губернатора служили предметом изумления среди простодушных бюргеров Нового Амстердама; он расхаживал по поселению столь же учёным мужем, как какой-нибудь пекинский бонза, одолевший половину китайской азбуки, и был единодушно провозглашён «универсальным гением!».

На своём веку мне довелось знать немало гениев подобного склада; но, говоря по чистой совести, я не встречал ни одного, кто для обыденных надобностей жизни стоил бы своего веса в соломе. В этом отношении крупница здравого суждения и простого здравого смысла стоит всего блистательного гения, что когда-либо слагал стихи или изобретал теории. Посмотрим же, как эти всеобъемлющие познания Вильгельма Вспыльчивого послужили ему в делах правления.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.